

Беседа-лекция
"Любовь и Зависимость"
Часть 1 - 05.12.2020 г.

https://youtu.be/ASAsVGn_n_4?si=IEA2otG0lkMmNzvL

1:20:47

о. Андрей Лоргус:

[Говорящий 1]

Дорогие друзья, я благодарю всех вас, пришедших сегодня в этот уютный и красивый дом. И прежде чем заговорить на тему объявленную, я хочу попросить вас о нескольких одолжениях. Первое, это касается аудиозаписи, которая осуществляется здесь профессионально, поэтому все остальные приборы, служащие для аудио- и видеозаписи, я прошу выключить.

Все вопросы по поводу распространения аудиозаписи культурного центра «Покровские ворота» вы с администрацией культурного центра потом решите. Вторая просьба заключается в том, что здесь оказалось помещение для нас достаточно небольшим, очень уютным, очень красивым, за что благодарность организаторам и благодарность за то, что нас пригласили с Ольгой Михайловной Красниковой и такие вечера провести с вами вместе. Но поскольку здесь достаточно горячо и жарко, то, наверное, вторая просьба будет заключаться в том, чтобы не дышать.

Обойдемся тем малым, что нам кубатурой этого зала отведено. Итак, мы начинаем цикл бесед, я бы не назвал, что это лекции в прямом смысле этого жанра, цикл бесед, который носит общее название «Любовь и зависимость», хотя можно было бы, наверное, его назвать и более подробно обозначив содержание отдельных тем, которые будут в течение этих четырех вечеров развиваться. На сегодняшний вечер мы избрали, может быть, самую трудную, самую первую тему.

Во-первых, дать определение понятию зависимости и соцзависимости, а во-вторых, поговорить о главном, христианском, о любви. И вот я думаю, что в первую очередь ваш интерес обращен к этому центральному христианскому пониманию и смысла жизни христианского, и самой главной добродетели, и, может быть, того самого замечательного, что есть в человеке, как в образе и подобию Божьей, а именно в любви. Но так складывается человеческая жизнь, и нам, психологам это особенно, и пастырям особенно это видно, что очень часто между людьми возникают

отношения, не основанные на любви, а отношения, в которых есть любовь, но строятся они как зависимость друг от друга.

И тогда эти отношения превращаются в мучительную жизнь, доводящую иногда до крайностей, приводящую к самым разным плачевным результатам. И тогда человек обращается к пастырю, обращается к психологу, к психиатру, к друзьям, к знакомым в страдании и говорит, дальше жить не хочу, жизнь больше не имеет смысла такая, что делать и как из этого положения выходить. Нам, как психологам, и мне, как пастырю, приходится практически каждый день сталкиваться с этими проблемами в самых разных вариантах.

И прежде, чем говорить об этом, я бы хотел сказать, о чем мы не будем говорить. Несмотря на то, что зависимость понимается чаще всего сегодня как химическая зависимость, то есть зависимость от алкоголя, от наркотика или еще от какого-нибудь химического вещества, а также как зависимость от игры, игромания или зависимость от компьютера, телевизора, тоже такие виды есть и они уже с научной точки зрения рассматриваются. Можно также говорить о зависимости от денег и также от трудоголизма.

Но так или иначе, для психолога это всегда зависимость. Зависимость, которая имеет происхождение не во внешних источниках, таких как алкоголь или наркомания, это лишь только последствия. Истоки зависимости лежат в личности и в ее семейной истории.

И поэтому мы будем говорить о той причинной зависимости, которая является корнем зависимости уже более поздней. Мы будем говорить о том, как зависимость, откуда она берется, как она формируется. И самое важное с нашей точки зрения, а мы представляем собой христианскую психологию, христианское психологическое представление о формировании личности, что зависимость это такой тип отношений между людьми и отношений к самому себе, который, если бы человек любил и строил свои отношения на любви, возникнуть бы не мог.

Итак, мы не говорим об алкоголизме или о наркомании как предмете нашего обсуждения. Мы говорим о зависимости как о той причине, которая приводит в частных случаях. Алкоголизм и наркомания только частные случаи зависимости.

Вот это самое главное, что нужно понять, входя в эту тему. 90% того, что составляет история нашей личности с самого раннего детства, относится к семье. Не к социуму, не к улице, не к школе, а относится именно к семье.

Стало быть, здесь лежат 90% причин и 90% тех факторов и самого протекания, формирования этого явления, которое мы называем зависимостью и всю зависимость. Христианская точка зрения здесь отличается главным образом от классической, психологических, а их несколько точек зрения на зависимость, тем, что мы понимаем человека как образ и подобие Божие, как творение Божие. Каждый из нас созданный Богом, каждая душа каждого из нас бессмертная и источник силы, энергии, радости и главным образом любви.

Поэтому любовь не есть что-то внешне приходящее к человеку, что можно дать, вложить. Когда ребенок у нас рождается, он не нуждается в том, чтобы мы вкладывали в него любовь. Он нуждается в том, чтобы его любили.

Но любовь у него в душе уже есть по своему созданию. И поэтому мы рассматриваем любовь как такой внутренний, всегда имеющийся бесконечный дар человеку от Бога. Конечно, от родителей, прежде всего от мамы, зависит очень многое в научении любви.

Но любовь – это то, что в ребенке уже есть. Любовь – это то, что каждому из нас дано, а не то, что мы можем получить или получить у кого-то. Мы у Бога уже все получили.

Это дар свыше. И этим даром обладает только человек, никакое другое существо, а тем более не обладают надчеловеческие структуры, то есть социум, общество или культура или еще что-нибудь. Этими дарами не обладает.

Этим даром обладает только душа человека. Вот таково христианское отношение. Любовь – это тот ресурс, тот источник, причем неисчерпаемый источник, который каждый из нас имеет.

И потому отношение к зависимости в этом смысле выстраивается как к такой модели поведения или к такому состоянию человеческой личности, который, к сожалению, вот обосновался в человеческой личности в тот или иной момент его жизни, но который ему по природе несвойственен. Самое главное, что здесь по христианской мысли заключается, что зависимые и созависимые отношения нам по природе нашей, божественной природе, несвойственны. Они могут, мы можем сказать, они свойственны нам по страстной и греховной природе.

В этом смысле да. Но и христианское психологическое положение поэтому основано на том, что в любви мы можем жить и можем строить отношения к другим, основанные на любви, и вовсе не обречены жить в зависимости. И вот, исходя из этих двух пониманий, мы будем дальше вести речь.

Ну вот, теперь, может быть, пора как бы сформулировать некоторые дефиниции, то есть поговорить о том, что же такое зависимость. Зависимость определяется многими разными способами. Она определяется психиатрами как болезнь с понятием симптомов и синдромов.

Она определяется психологами как особое состояние, в которое человек попал в результате психологической травмы или которое попало при дефиците каких-то отношений в семье. Но мне представляется, может быть, не очень важным как бы дать определение со завистию. И главное понять две вещи.

Первое. Зависимый человек это тот, кто полностью или в большей части своей жизни ориентирован на другого, а не на себя. Ориентирован, то есть контролирует, зависит от другого, а не от себя.

И второе определение. Зависимый это тот, кто о своих потребностях и своих нуждах не заботится. Это такой человек, который не знает чего он хочет и не пытается реализовать свои внутренние потребности и живет как бы вопреки самому себе.

Во зло себе есть, так можно сказать. И сразу должно говориться, что никакого отношения к альтруизму и к подлинной жертвенности это отношение не имеет. Почему это так, это мы потом еще обсудим.

Зависимость это человек, который живет интересами другого, интересами, потребностями, желаниями другого человека, а не своими интересами, желаниями, потребностями. И в этом заключается самая тяжелая часть его состояния. Почему это тяжело, это мы сейчас поговорим.

Ну вот, прежде чем перейти к следующей важной теме, мы хотим с Ольгой Михайловной показать упражнение, с которого наглядно можно будет начать разговор о том, что такое зависимость. Пожалуйста.

[Говорящий 2]

Я зову испытанного подопытного, опытного подопытного, для помощи. Значит, я сейчас хочу вам показать модель, модель воспитания ребенка,

которая существует у нас. И сначала покажу без комментариев, а потом задам вам вопрос.

Любовь ли это? Вот у нас родился мальчик, такой замечательный, долгожданный, мы очень рады его видеть. Обычно в семьях ждут мальчиков.

Мальчик это в деревнях раньше отцов, у которых рождались девочки, называли бракоделами. А у нас мальчик, нам повезло. Вот такой замечательный мальчик у нас родился, и мы хотим ему добра.

Естественно, как все родители хотят своим детям добра. Сейчас мы будем о нем заботиться. Давайте вспоминать.

Маленькие детишки в полгода, что они начинают делать? Они начинают все хватать, везде лезть своими ручками. Что мы им говорим на это?

Нельзя, не трогай, уколешься, обожжешься, обрежешься. Что еще? Вспоминайте, вспоминайте детство, вспоминайте.

Мы, собственно, и занимаемся следующим. Уже спокойнее, правда? Уже в розетку не полезет.

Хорошо. Где-то в месяцев 10, дети у нас сейчас акселераты, ребенок начинает ходить. Учится ходить, да, где-то в год он уже ходит достаточно самостоятельно.

Что мы говорим нашему ребенку, когда мы выходим на прогулку в дождливую погоду? Не бегай, упадешь, лужа, испачкаешься и так далее. Как приятно-то, да?

Уже так. Я сразу вспоминаю на детской площадке таких мальчиков в белых рубашечках, в отглаженных брючках с бабушкой за ручку. Наш клиент в будущем.

Значит, я ни в коей мере не хочу осуждать нас как родителей, потому что я и сама мама, за то, что мы так заботимся о своих детях. Нас так научили, и это не наша вина, это наша беда. Но об этом говорить нужно, и об этом нужно знать и молодым родителям, и родителям со стажем, чтобы хотя бы чуть-чуть, насколько это возможно, корректировать свое поведение.

Дальше у нас ребенок начинает, что делать? Нет, пока он все смотрит. Он же ходит и смотрит.

Ему интересно. Зашел, там по телевизору что-то не то показывают. Проходили детскую площадку, там мальчишки курят взрослые.

Ай-яй-яй, нехорошо. Что мы говорим? Не смотри, отвернись.

Телевизор выбрасываем, правда же? Зачем? Там такое показывать нам это не надо.

Потом еще у нас тут остался один орган чувств, восприятия. Когда мы идем с нашим мальчиком мимо мебельного магазина, где грузчики грузят пианино тяжелое, это точно не те слова, которые надо ребенку слушать, правда? Это нам еще двух лет нет, а уже мамина радость.

Но к двум годам начинается проблема, ребенок начинает говорить. Мальчики попозже иногда, но в целом 2-2,5 года ребенок начинает говорить, задавать вопросы. Что мы ему говорим?

Мал еще, тебя никто не спрашивает. Вырастешь, тогда поговорим. Яйца курицу не учат, ну и так далее.

Это мечта воспитателя детского сада. То есть в яслях и в детском саду, если такого ребеночка вы приведете, вам скажут, какая вы замечательная мать, какого замечательного мальчика вы воспитали. Его не видно и не слышно.

Главное достоинство ребенка, это когда его не видно и не слышно, когда его нет. Еще у нас осталась одна вещь, неприятная у нашего мальчика, это то, что он чувствует. Дышит, ладно.

А вот то, что он чувствует, он же спорит, он злится, он обижается. Вспоминаем счастливое детство. На обиженных воду возят.

Москва слезам не верит, это для москвичей. Мальчикам вообще беда. Мужчина не плачет, не боится.

А смех без причины – признак дурачины. С мамой спорить нельзя, с папой уж тем более. Получается, что все наши чувства оказываются под запретом.

Единственное, что культивируется в семье, это стыд и вина. Ну тебе хоть стыдно? Ну тогда ладно.

Вот эта идея. Чувство символично мы завязали здесь. И посмотрите, какая у нас картина получилась.

Как вы думаете, мама здесь кого любит и о ком заботится? А скажите, пожалуйста, если мы нашего мальчика завяжем потом же и все уйдем, ему как будет? Он абсолютно беспомощный, ему там одиноко, он оторван от своих потребностей, от своих чувств, он оторван от информации.

Вспоминайте времена перестройки, когда гласность там и так далее. У нас эта статистика не опубликовалась, но в те годы очень сильно увеличилась смертность у стариков. Причем никто не говорил о том, что это были не только инсульты и инфаркты, но это были и суициды.

То есть когда у человека открываются уши и он начинает слышать информацию, это может очень тяжело на нем сказаться. Ребенок поступает в школу, у него расширяется кругозор, он начинает видеть другие семьи, другие формы жизни. Не только то, что было у него в семье, но еще и то, что есть у его приятелей, и это тоже может очень сильно на него повлиять.

А представьте себе, вот такой мальчик у нас вырос, но как его маме отпустить-то? Никак, страшно. Либо передать в надежные руки, но где же такие надежные руки найдешь?

Да, у нас же девочки. При себе держать. А как вы думаете, что с ним будет, если он останется с мамой?

Не, ну то, что наша... Маме, да, но вот ему там как жить-то вот в этом состоянии? Значит, либо пить, либо колоться, либо бежать на улицу, уходить из дома, либо заболеть, чтобы уже оправдывать мамины ожидания, и действительно беспомощный, немощный.

Уходить в интернет с головой, играть в эти самые игровые автоматы. То есть, в принципе, вариантов у него не так много. То есть, зависимости-то много, но по сути вариант один – только зависимое поведение.

И теперь смотрите, мы же его можем, если его поднять, можем в одну сторону повести, в другую сторону повести. У него источник выбора снаружи, он сам не умеет выбирать, не научился. Поэтому вот такой результат якобы любви, он, к сожалению, в наших семьях встречается сплошь и рядом.

Причем девочкам чуть полегче, как ни странно. А вот с мальчиками вот такая беда чаще случается. Значит, по поводу любовь ли это, ну мы с вами уже сказали, что это скорее эгоизм матери.

Но в психологии есть такая путаница понятий. То, что в быту мы называем любовью, это когда я без тебя жить не могу. А здесь и мама без мальчика жить не может, и мальчик без мамы тоже не может.

Вот в психологии это называется невротическая зависимость как раз. А что же тогда называется любовью в психологии? Если мы возьмем противоположность вот этому отношению, что же тогда будет любовь в данном случае?

Свобода, вот здесь сразу вопрос. Маленький ребенок он действительно тянет ручки к розетке? То есть если у нас свобода-попустительство, когда все можно, то это тоже не любовь.

Если такой подавляющий контроль жесткий, то результат очевиден. То есть любовь она сочетает в себе и заботу. Но заботу не продиктованную страхом, а заботу продиктованную любовью.

И при этом свободу. Но свободу ровно настолько, насколько ребенок готов освоить в данный возраст свой. Потому что дети, они слава богу растут.

И хорошо бы нам родителям это учитывать. Развяжем нашего бедного мальчика. На самом деле, если вот эту методику с ленточками использовать на индивидуальной терапии, то я бы сейчас нашему любимому мальчику предложила бы самому определить порядок, в котором его надо развязывать.

И это было бы для меня диагностическим критерием. А где он себя чувствует посвободнее, где все-таки ему давали чуть-чуть хотя бы места для развития, а что у него осталось еще в таком завязанном состоянии. И очень часто люди, которые к нам обращаются, они оставляют чувства завязанными.

Спасибо. Ну все, я передаю слово отцу Андрею для комментариев.

[Говорящий 1]

Разумеется, что эта модель, метафора не единственная для того, чтобы продемонстрировать возникновение зависимости в семье. И зависимость развивается и по другому пути, не только вот через такую заботу матери.

Но вот Ольга Михайловна заговорила о том, что главное, как определить любовь.

Но для того, чтобы это определить, я бы хотел обратиться к тому самому известному тексту о любви в Священном Писании, гимну любви апостола Павла. И немножечко по этому тексту поговорить в связи с той темой, которую мы разбираем. Это 13 глава первого послания к Коринфянам.

Я сначала прочитаю полностью всю эту главу. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящий или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто.

И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется не правде, а сорадуется истине. Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знаний упразднится, ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем. Когда жена станет совершенная, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мысли, по-младенчески рассуждал, а как стал мужем, то оставил младенческое.

Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу. Теперь знаю я отчасти, а тогда познаю подобно, как я познан. А теперь пребывает три сии, вера, надежда и любовь, но любовь из них большая.

И вот по поводу как раз той модели, которую мы сейчас наблюдали наглядно, апостол Павел очень отчетливо говорит о младенчестве и о мужестве, то есть он говорит о зрелости, как мы сегодня скажем, человеческой личности. На одном семинаре мы обсуждали вопрос, а грех ли оставаться младенцем, потому что мне и как пастырю, психологу приходится слышать часто такую сентенцию, что вот Господь же ведь сказал своим ученикам, если не будете как дети, то царство небесное не наследуете. Вот и я хочу оставаться как ребенок, и в том мое достоинство, что я ребенок, детство в себе не отдам и взрослеть не хочу.

Во-первых, вот апостол Павел на это отвечает, что младенческое, оно в младенческом возрасте свойственно и естественно, а в взрослом возрасте младенческое уже неестественно. И сохранять его, это означает сопротивляться тому росту личности, который человеку предназначен Богом, как путем развития его личности. И второе, младенцу свойственно особая любовь, любовь к матери, любовь к отцу, к близким.

Это слепая любовь, как мы говорим, слепая в кавычках, потому что она имеет значение переносное. Это такая любовь, которая в серьезных человеческих отношениях, это не относится к детям, а во взрослых человеческих отношениях может причинять беду. Потому что такая слепая любовь может стать основой предательства, измены, она может стать основой глубокой вражды и даже убийства.

Поэтому это та цена, которую мы платим за нежелание взрослеть. Поэтому младенческое в человеке, незрелость личности – небезобидная вещь. Но не об этом сегодняшняя наша тема, хотя младенческое, да, это отчасти зависимое поведение и созависимая личность.

Так вот об этом гимне любви. Здесь некоторые вещи, которые точно относятся к пониманию любви в христианском смысле слова в противовес пониманию зависимости. Ну, например, «любовь все покрывает и всему верит» – это один из последних стихов.

Всего надеется и все переносит. Зависимость этого не выносит. Зависимость часто практически сопутствует мнительности и недоверию.

Зависимость нуждается в контролировании другого, потому что она не доверяет, а любовь доверяет. В любви рождается доверие. И вместе с доверием рождается и свобода, которую я даю тому, кого люблю.

Доверяю и даю свободу. У владыки Антония Суровского есть очень замечательная такая фраза. Он в одной своей проповеди сказал, что вот в одной ситуации между матерью и дочерью, он говорит, были бы уместны такие слова, которые я сказал матери.

Представьте себе, что ваша дочка говорит матери, мама, люби меня, пожалуйста, чуточку поменьше. Это как раз вот о той любовной, о любовном доверии и следующее из этого доверия – свободе. Свободе, опять же, не попустительстве и равнодушии, а свободе, то есть той дистанции, на которую я могу отступить от того, кого очень люблю, уважая и доверяя его пространству, его личному, интимному пространству.

Доверяя, потому что я вижу этого человека. И вот на этих словах я бы хотел перейти к пониманию любви, которая соответствует в большей степени пониманию христианской антропологии и психологии. О любви сказано очень много и в философии, и в богословии, конечно.

Тут я хотел бы привести только два примера. Позвольте, я процитирую эти два примера. Нет, оба примера Исаака Сирина.

Я только боюсь, что я без очков, которые я сегодня потерял, не прочту этот текст. Но я попрошу сделать это, Ольга Михайловна. Вот эти вот две цитаты, вот эту и вот эту.

[Говорящий 2]

Любви достаточно. Любви достаточно для того, чтобы напитать человека вместо пищи и питья. Вот вино, веселящее сердце человека.

Блажен, кто испьет вина сего. Испили его невоздержанные и устыдились. Испили грешники и забыли пути преткновений.

Испили пьяницы и стали постниками. Испили богатые и выжилали нищеты. Испили убогие и обогатились надеждою.

Испили недолжные и стали сильны. Испили невежды и умудрились. Рай – есть любовь Божия.

Древо жизни – есть любовь Божия. Кто обрел любовь, тот каждый день вкушает Христа. Живущий в любви пожинает жизнь от Бога.

Любовь – есть царство.

[Говорящий 1]

Спасибо. Вот тут, на мой взгляд, есть несколько таких моментов, чрезвычайно глубинных. И я бы предложил вам всем...

Книжки-то известные. Исаака Сирина – «Слова подвижнические». Это конкретно слово...

Какое здесь цифре стоит? Слово 83-е. Совершенно доступно подумать об этом, потому что это одно из редчайших высказываний о любви удивительного сирийского пустычника и подвижника Аскета в прямом смысле мозга костей, потому что он был худой и чёрный, как головёшка, Исаак Сирина.

Что здесь, на мой взгляд? Я бы продолжил вот эту первую цитату и сказал бы так, что «испили этого вина», а под «вином» он подразумевает любовь, кстати говоря, метафору, очень часто используемой и в Библии, и во многих духовных стихах, кстати говоря, и в художественной литературе. Я бы сказал так, что «испили зависимые и исцелились», если бы они «испили вина любви».

Но в нашей жизни, к сожалению, так часто бывает, что мы любим друг друга, но отношения выстраиваем созависимые. И это так не потому, что мы желаем себе зла или желаем зла того, кого любим, а просто потому, что мы по-другому не умеем, просто потому, что мы выросли в таких отношениях в своих родительских семьях. И точно так же с той самой слепой и незрячей любовью, с тем самым слепым опытом, который мы восприняли в своей семье, строим такие же отношения по той же модели, не задумываясь об этом, что может быть иначе, в своей новой семье.

И воспитываем детей точно так же. Вы знаете, когда человек... Вот я про себя скажу.

Когда я впервые понял, что я носитель тех же, к сожалению, созависимых моделей поведения родительской семьи, и что я этого не видел в себе, воспитывая своих детей и устраивая отношения со своей супругой, когда я вдруг это понял, я вдруг мгновенно подумал, а дети мои как? И когда я вспомнил, что дети моим уже около 20 обоим, я понял, что я уже опоздал, что всё уже там передано. Все эти паттерны поведения, как часто говорят психологи, что надо делать, что же теперь делать?

А когда же остановиться-то? Когда есть тот момент, когда человек может остановиться и критически отнестись к себе? Это шок, который все переживают.

Я это видел и в психологической практике, и в пасторской практике, что когда человек начинает понимать о том, что и он сам передал своим детям такие же модели поведения, его охватывает шок. А что делать, как можно исправить? С этим очень часто обращаются.

Вот что бы я сказал, если бы вы спросили меня, что же делать. Наше христианское представление о человеке, я ещё раз скажу, это о личности, сотворённой по образу и подобию Божию. Христианские понимаемые достоинства человеческой личности приняты мною в самом себе, так как и я есть тоже сотворённый Богом по его образу и подобию.

Человек. Моё достоинство не позволяет отнести к себе как к организму, к животному, как к вещи, или, выражаясь философским языком, как к объекту. Я не вещь и не объект.

Известный вам наш современник, можно сказать, великий и популярный мыслитель Андрей Кураев, отец дьякон, он сказал так, что с той поры, как христианство ввело понятие ипостаси, сказать о человеке, что он подобен вещи, больше было нельзя. Он отныне не табурет, имеется в виду ещё до тринитарное определение ипостасис, как подставка, скамеечка, одно из значений этого слова, в греческом языке подставочка, под ноги. Ипостасис.

Не табуретка и не животное. Если я так к себе отношусь, и я знаю, что я личность, по образу Божией создана, то я и к другому так отношусь. И тогда я смотрю на другого глазами любви, уважая, признавая в нём божественную личность, по образу Божией подобную, созданную, и тогда я смотрю на него уже не как на объект своих желаний, своих страхов, своих потребностей, а я смотрю на него как на субъекта, который точно так же, как и я, чувствует, мыслит, сознаёт своё достоинство, радуется жизни, ищет счастья и хочет свободы.

Иными словами, отношение человека к человеку, как субъекта к субъекту, как личности к личности – это отношение любви, отношение, в которых не может возникнуть зависимости. Но отношение человека к человеку как к объекту моих желаний, моих потребностей, как источника заботы или источника наслаждения в сексуальной зависимости или источника использования, скажем, в материальном плане – это отношения субъект-объектные, в которых человек унижен и не изведён со своего достоинства, которым можно манипулировать. Если ко мне как к психологу приходит человек и говорит, ну, разные варианты бывают, например, научите меня, как мне, ну, например, привезти своего сына в церковь.

Или, например, научите меня, как мне добиться от того, чтобы при разводе с мужем мне досталось всё. Я вам говорю конкретные примеры, это не выдумки. Или, например, научите меня, как мне общаться, вот у меня женщина на работе, которая доставляет нам всем много зла.

Вот это запрос, в котором совершенно очевидно проглядывается отношение к человеку как к объекту, которым можно манипулировать. Мы люди, мы умеем манипулировать вещами, мы их создаём, мы их творим, мы их переворачиваем, если мы хотим. Это нормально.

Только мы не можем этого делать с Богом и с другим человеком. Человек не является тем, кем можно манипулировать. Иными словами, человека можно любить, но им нельзя манипулировать, потому что он личность.

И если так мы относимся к любви, если любовь есть отношение зрячее лицом к лицу, есть встреча одной личности с другой личностью, тогда зависимые отношения здесь возникнуть, по идее, уже не могут. Как это относится к детям? Ведь дети рождаются вроде бы и не личность.

До сих пор идёт спор у медиков, у философов, когда же начинается личность в человеке. На сороковой день от рождения, или в первый день от рождения, или на сороковой день от зачатия, или перед родами, или ещё когда-нибудь. Христианское и православное антропологическое понимание этого предмета однозначно – личность человека с момента зачатия.

Сегодняшняя психология, пренатальная психология уже работает с человеком до его рождения. Уже есть методики, уже есть отношения, есть исследования. Так что это уже теперь достояние науки и практики.

Человек до рождения, уже есть личность, с которой к нему можно относиться. Одна из задач пренатальной психологии – научить мать общаться со своим ребёнком до того, как он родился. Что значит научить общаться?

Отнестись к нему не как к плоду. Это ужасное слово по отношению к личности человека. Отнестись к нему как к личности.

И сказать ему «ты здравствуй». Встретиться. Мне было бы очень дорого, если бы я мог молодых родителей наставить и подготовить их к ожидаемому ребёнку.

К первой весточке о том, что у них будет ребёнок. К первой. Отнестись к этой первой весточке как к встрече с новой личностью, которая родилась в этот мир.

Мы в благовещении. Мы в благовещении встречаем уже Христа, а он ещё не родился. Но мы уже дней спасения нашего главизна.

Точно так же и каждый человек. Это встреча с новой личностью. Вот встреча и отношение к личности, начавшееся с этой встречи, вот оно, как мне кажется, основано на любви.

А если и плод, и рождённое, и ребёнок в первый класс, если это лишь только предмет, с которым мы манипулируем, мы его воспитываем, мы из него делаем человека. Ну, так сказать, задача педагогическая какая? Сделать из ребёнка человека.

То есть из вещи сделать личность. Или идея табл рас, то есть написать на этом чистом листе то, что полагается культуре, образованию, воспитанию и так далее. Вот, пожалуй, я на этом хотел бы остановиться, Анастасия Михайловна, для как раз комментария по этой части.

[Говорящий 2]

Я сейчас слушала и подумала, что как раз иллюстрацию, которую мы привели в самом начале с ленточками, эту иллюстрацию можно отнести как раз к субъектно-объектным отношениям. То есть там у нас ребёнок – объект причинения добра. То есть мы лучше знаем, что ему нужно, в чём ему счастье, и сейчас мы ему сделаем хорошо.

Причём интересы самого ребёнка они здесь не учитываются. То есть нам кажется, что мы лучше знаем. Что-то действительно мы лучше знаем.

Но есть некоторые вещи, которые кроме ребёнка не знает никто. Например, хочет он спать или не хочет. Хочет он сейчас манную кашу или не хочет.

Вы, не знаю, испытываете ли такие сложности, но очень многие люди, которые обращаются на консультацию, они часто говорят, что не хочу есть, но надо. Заставляю. Откуда это берётся?

Вот эта наша привычка не относиться внимательно к своим потребностям, она идёт как раз из детства от того, что мама лучше знает, что для меня хорошо. По поводу субъектно-объектных отношений можно было бы привести такие примеры высказываний наших обычных из нашей жизни. Например, ты самая лучшая из женщин или ты самый лучший из мужчин.

Вроде бы приятно, а в этом высказывании ничего вам не слышится, а вас сравнивают. А разве можно человека сравнивать с кем-то? То есть здесь уникальность вашей личности подвергается сомнению.

То есть вас сравнивают как объект с другими объектами. Или я тебя люблю за то, что ты... И дальше идёт перечисление.

Что здесь? Здесь мы ставим условие, что если у тебя не будет вот этих качеств, то мы ещё подумаем, любить тебя или нет. То есть мы тоже

относимся к человеку как к объекту, который обладает набором определённых характеристик.

Или я без тебя жить не могу. Это то, о чём мы уже с вами говорили. Зависимость.

Другой вариант этого выражения – ты – смысл моей жизни. Это похожие такие слова. Очень простой и наглядный пример.

Представьте себе, что на этом листочке сконцентрировались все ваши... Вот на этом листочке сконцентрировались все ваши желания, мысли, надежды, мечты, смыслы, все ваши чаяния, все самые светлые движения вашей души. Всё вот здесь.

Представили себе всё. Это был просто листочек. А если это ребёнок, который вырос и ушёл в свою жизнь, а для матери он был смыслом её жизни, или это муж, которому женщина посвятила всю свою жизнь, и он умер или ушёл, и она осталась одна, а он был смыслом её жизни, или это мужчина, который всю жизнь посвятил работе, и его отправили на пенсию.

У меня дедушка после того, как его на пенсию отправили, полгода прожил, а потом инсульт, и он умер. Причём был ещё достаточно молодым мужчиной. То есть о чём это говорит?

Это говорит о том, что как только мы переносим основные смыслы изнутри себя в любой внешний объект, будь то человек, предмет или деятельность, мы подвергаем себя риску оказаться в таком плачевном состоянии, потому что мы не можем контролировать то, что случится с тем объектом, на который мы перенесли смысл своей жизни. Ещё один момент. «Ты для меня единственная опора и поддержка» тоже очень часто говорится.

Но это просто зависимые отношения. И потом представьте себе, что вы являетесь этим смыслом жизни для кого-то. Но первые две минуты вам будет приятно, это потешит ваше самолюбие.

А потом вам захочется к друзьям съездить, а потом вам захочется на рыбалку или к женщинам куда-нибудь, к подруге. А вам говорят – нет, ты куда? Подожди, ты же смысл.

Как же ты меня оставляешь без смысла? И вот вы уже в западне. И вот эта фраза «Мама, люби меня поменьше» как раз относится к таким

субъектно-объектным отношениям, потому что другой человек здесь выступает именно как объект.

А кто же такой субъект-то? А субъект – это та уникальная личность, я признаю эту уникальность, со своей свободой, со своей судьбой, со своей жизнью, с правом болеть, умереть, уйти. И с этой личностью я встречаюсь.

Но тут важно не забывать, что я такая же личность, я тоже имею право. Потому что очень часто мы права другого человека видим, а о своих забываем. Это как бы в противоположность тому примеру, который мы показывали, там у нас сын был без прав.

Но очень многие матери говорят, что я всю жизнь положила, у меня своей жизни не было, поэтому вы мне теперь все должны. И здесь получается другой перекося. Она жила без прав, а все права на свою жизнь она делегировала кому-то.

Получается, что человек может сдать свою жизнь в аренду. И другой вариант зависимости – это когда мы пытаемся прожить чужую жизнь. Два таких варианта крайних.

[Говорящий 1]

Вот по поводу таких созависимых отношений и отношений любви. Почему нам бывает проще установить зависимое отношение? Потому что в первый момент нам часто кажется, что если слишком довериться другому, то можно за это как-то заплатить, поплатиться слишком большим доверием.

Как человек говорит, я всегда всем верил или верила, а меня всегда обманывают. Или я всегда делала добро, а мне всегда отвечали зло. Действительно, в любви есть первоначальный момент доверия другому.

Любовь – это всегда отношение авансом. И в этом есть риск. Потому что тот, кто любит, делает первый шаг, он рискует.

Рискует, что он будет неправильно понят. Рискует тем, что не услышит, не увидит, не познает ответного чувства. Рискует тем, что над ним посмеются.

Такое тоже, к сожалению, часто бывает. Или что его отвергнут. Это называется риск.

Об этом нам хорошо рассказал, первый поднял эту тему в нашей аудитории немецкий христианский психолог Вернер Май из своей академии в

маленьком городке немецком Кицыген, который уже несколько, 15 или 17 уже лет ведет обучение студентов христианской психологии в специально созданной для этой академии христианской психологии Игнис. И вот он говорил как раз об этом риске. И вот этот риск, вернее, нежелание рисковать очень часто человека наталкивает на такое отношение к другому, которого он любит, как установление созависимых, контролирующих отношений, в которых нет доверия, но тогда и нет страха, что можно поплатиться чем-то.

Действительно, любовь – рискованное отношение к другому. И это реальная опасность, которая часто нас пугает и заставляет другие отношения установить, при том, что чувства могут быть самые искренние и самые глубокие. Ещё одно.

Конечно, любовь даёт другому, любовь и уважение к другой личности, другому свободу, даёт другому пространство. И естественно, что в любви я другому доверяю и как бы отпускаю. Но это прежде всего имеет отношение к детско-родительским отношениям матери и детей.

Ну и точно так же и отцов. Это тоже часто. Отпускающая любовь с доверием.

Но в этом же тоже есть риск. Потому что ребёнок может получить негативный опыт, он может набить себе шишки, он может быть ранен, он может потеряться, он может погибнуть. Это же реальность.

Скажем, отпустить сына в армию – это же катастрофа. Это подвиг для матери. Подвиг, высочайшим примером которого является подвиг Божией матери, которая отпустила своего сына на крест.

И всё это на её глазах совершалось. И, пожалуй, выше такого материнского подвига мы и не знаем во всей истории. Но, тем не менее, это действительно подвиг.

И когда мать не отпускает своего сына и продолжает его держать связанно или не связанно около себя, то это как раз источник многочисленных примеров и дезертирства, и предательства, и всяких разных прочих вещей. В том числе алкоголизма, наркомания как частных проявлений того же самого. Мы почти использовали то время для нашего монолога, хотя он был двойным монологом.

И можем теперь перейти к беседе и к вашим вопросам, к высказываниям. Только я в конце хотел бы прочитать один текст, такой тоже

напоминающий и притчу, и поучение философские, который, к сожалению, как автора не знаю кто. Взял он нами из книги Валентина Бентлина «Москаленко», который занимается вопросами зависимости и созависимости уже давно.

У неё существует две книги, они обе сейчас есть в продаже. Мы надеемся, что они будут и здесь, и в нашем доме культурном центре в продаже, во всяком случае, в следующий раз. Но их можно найти на книжных полках, в магазинах, можно заказать в интернете.

Надеемся, что и у нас тоже будет. Правда, не такой текст, а схожий текст мы нашли в её книге. «Без любви всё ничто.

Ум без любви делает человека хитрым. Вера без любви делает человека фанатиком. Честь без любви делает человека высокомерным.

Власть без любви делает человека насильником. Правда без любви делает человека критиканом. Богатство без любви делает человека жадным.

Воспитание без любви делает человека двуличным. Обязанность без любви делает человека раздражительным. Приветливость без любви делает человека лицемерным.

Справедливость без любви делает человека жестоким. Компетентность без любви делает человека неуступчивым. Ответственность без любви делает человека бесцеремонным.

Ну, вот это так, как бы последний штрих в наш лекционную часть. Спасибо. Вот этот микрофон можно использовать для того, чтобы задать вопросы.

Я только хочу понять, кто будет мобильником. Ну, Паша, давайте попробуем.

[Говорящий 3]

Возьмите эмоционально-положительные и социально-положительные состояния, определяются тем, что они направлены на свое продвижение. Зависимость, наркотическое ведение, это тоже система продвижения. Система работает очень быстро.

Здесь вырабатывается толерантность. Но зависимость, это вообще замечательная вещь. Это первое.

Второе. Вы нам насаказали две вещи. Личность и субъект.

То есть процесс внутренний. И человека, который. Вот я скажу, что без этой материальной части не бывает личности, не бывает индивидуальности.

Индивидуальность именно в материальной части состоит. Есть такая вещь, как физиологическая разновидность. Все люди разделяются физиологически.

Очень многих показателей. Все процессы, которые практикуют они, тоже отличаются. Душа, которая есть у них, она просто умеет интегрировать и выводить это на сознательный уровень.

[Говорящий 5]
Извините.

[Говорящий 3]
Что? Подождите. Подождите.

Я не вопрос взял. Я не ищущ никого. Я не ищущ никого.

[Говорящий 1]
Давайте, давайте так. Давайте все-таки с уважением отнесемся к вопросу. Но вопрос вы уже задали.

Можно я на него отвечу? Хорошо. Даже на два отвечу.

Очень хорошо. Спасибо. Вот по поводу, даже, может быть, три вопроса.

По поводу отдам жизнь или не отдам. Господь от нас этого не требует. Совершенно верно.

Он отдал за всех и сказал, что я за вас отдаю. И поэтому от нас никаких кровавых жертв больше не требуется. Он спаситель, но мы не спасители.

И поэтому для христианского понимания меры любви, меры жизни, смерть больше быть не может. Вы можете с этим не согласиться. Такова моя точка зрения.

Второе. Что касается нейрофизиологии. Действительно, здесь есть очень много важных моментов и исследований нейрофизиологов я чрезвычайно уважаю при одном только условии.

Что если мы к человеку относимся как к личности, то тогда все отношения к человеку как к животному, как к системе, чрезвычайно сложной системе нейрофизиологии, физиологии будут уже как бы вторичны. В первую очередь, человек – личность. Вы употребили очень важный термин – индивидуальность.

Да, индивидуальность – это природа. А личность – это не природа. Но с тех пор, как сформулировано это положение Владимиром Николаевичем Лоским с христианской точки зрения, личность не есть природа.

Мы должны различать. Индивидуальность – это природа. И тут вся физиология, ради бога.

Простите, я отвечаю. И еще по поводу зависимости. Если вы говорите, что зависимость – самое прекрасное, что есть.

А я говорю, что любовь – самое прекрасное, что есть. Ну, вот видите, у нас разные точки зрения. Имеет право на жизнь?

Почему бы нет? Спасибо. Пожалуйста, еще.

Да, конечно.

[Говорящий 2]

Есть очень хороший термин – привязанность. То есть привязанность – это как раз то, что приветствуется в человеческих отношениях. Но и привязанность тоже бывает стабильная, спокойная, а также она бывает невротическая.

То есть если мы начинаем опускаться в такие профессиональные тонкости, то здесь нужно будет читать лекцию по всем типологиям, классификациям и так далее. Мы попытались обобщить этот взгляд и, на мой взгляд, дали достаточно полное определение, что мы в данной конкретной лекции понимаем под зависимостью.

[Говорящий 1]

Пожалуйста, еще вопросы. Да, пожалуйста.

[Говорящий 3]

Представиться нужно? Юр Тайкин, Виктор, кандидат психологических наук, доцент. Скажите, пожалуйста, вот как бы я помню начало 90-х годов,

когда стала возникать так называемая христианская психология, и вот я опять как бы попал в такое место, где это слово все время произносится.

Вы могли бы сформулировать более четко и определенно, что это такое, в отличие, скажем, от христианской социологии, если таковая есть, и может ли быть такова. В чем как бы специфика христианской психологии в отличие от вообще психологии? Скажем, может быть, например, христианская психология восприятия, длины или качества.

Это один вопрос, у меня три вопроса.

[Говорящий 1]

Итак, вопрос, собственно говоря, об определении христианской психологии. Христианской социологии не знаю, может ли она быть или не может быть. Не могу ответить, потому что я психолог, а не социолог.

Так что на этот вопрос ответить не могу. Что касается христианской психологии, то действительно, в начале 90-х ответить на этот вопрос было сложно. Сейчас в той или иной степени нам легче, и определение все-таки есть.

Первое. Христианская психология исходит, ну, разумеется, её корни в богословской антропологии, прежде всего она исходит из того, что человек есть Личность, но Личность в самой психологии и в христианской психологии тоже не определяется, потому что это есть понятие «богословское». Чем оно отличается от классического психологического?

В классической психологии принято понимать Личность либо по Фейербаху Марксу как совокупность общественных отношений, стало быть, тогда Личность есть некая проекция социальных научений, связей, штампов и так далее, либо как развитие биологической системы. И тогда это, в общем-то говоря, не очень понятно, откуда происходящее. Для христианской психологии прежде всего Личность есть сверхъестественное явление, но в психологии оно проявляется как Личность уже в том психологическом понятии, которое известно в гуманистической экзистенциальной традиции, а вовсе не в советской.

Далее. Человек есть с христианской точки зрения творение Божие, а не продукт эволюции. Ну и, пожалуй, третье очень важное.

Да, вы сказали по поводу, может ли быть христианской психологией восприятие. Нет, потому что та психология восприятия, ощущений,

памяти, внимания изучает как раз проявления Личности. Они не имеют отношения к тем глубинам Личности, о которых говорим мы.

То есть христианской психологией прежде всего психология Личности и психология глубинных отношений. Вот, пожалуй, коротко.

[Говорящий 3]

Может быть, просто не называть это психологией, а, например, тоже самое антропологией или какой-то другой взять термин? Потому что это путает, на самом деле. Теперь второй вопрос более конкретный.

Вот, допустим, я зависим от конкретного человека. Вот если я приду к вам с просьбой помочь мне как-то скорректировать свою зависимость, вы сможете это сделать операционально? То есть у вас есть некоторый инструментарий, который позволяет обращающемуся человеку, вводя его в психотерапевтическую или какую-то ситуацию, постепенно выводить его из этого состояния, делать его свободным и так далее, и так далее.

И тут же рядом же прям вопрос. Одну секундочку. Рядом же вопрос.

Обращаются к вам кто обращается вот конкретно? Эта пара обращается или один человек? И кто инициирует обращение?

[Говорящий 1]

Вот вы сказали очень важную фразу «операционально». Нет, с христианской точки зрения нельзя человеку операционально помочь, потому что это значило бы, что человек есть объект, а мы с ним что-то проводим, то есть мы используем инструменты. Нет, с христианской точки зрения таких инструментов быть не может.

Человек может сам выйти из состояния, мы можем в этом ему быть путеводителями, мы можем в этом ему быть помощниками, сопровождающими этот его путь, если он захочет. И если вы придёте, если вы захотите, вы путь этот найдёте, а мы только будем сопутствовать вам в этом и покажем, как это можно было бы сделать. И что касается созависимой, приходят и пары, приходят и в одиночку.

Есть и такие, и такие методы работы, но вы это знаете не хуже меня.

[Говорящий 3]

Последний вопрос. А не кажется ли вам, что вот это как бы рассуждение, особенно это касается Ольги Михайловны, как бы немножко всё это утрировано? То есть я вдруг вспоминаю, я уже не очень молодой человек,

свою молодость, когда была переведена книжка Спока, хотя это был врач, не терапевт и так далее.

И всё это имело свои результаты в конечном итоге. Я бы сказал, не очень положительные. То есть какая-то, понимаете, крайность одна и крайность вторая.

А может быть, где-то всё это посередине находится, без этих крайностей. То есть если брать, например, то же самое христианство, ведь Бог же, Он и запрещает, Он любит, и в своей любви Он говорит, а с этого не кушай и туда не ходи. Делай это, Он точно указывает, понимаете, в чём дело.

И в этом проявляется Его любовь. И я как-то с трудом себе представляю ситуацию, чтобы я в отношении любимого человека или своего ребёнка, я не могу ему, и буду при этом делать ошибку, не сказать «не делай этого» и не оградить, если нужно.

[Говорящий 2]

Я говорила о том, что попустительство так же вредно, как и контроль. То есть любовь, она, естественно, ищет некий гибкий средний путь.

[Говорящий 1]

Представьте себе, что психолог на приёме говорит, подобно тому, как говорит Евангелие или как говорит книга правил «Туда не ходи и это не делай». Ну и зачем тогда? Тогда достаточно священника или проповедника или достаточно книги законов, в которых написано, куда не ходить и что не делать.

Задача психолога в другом. Как бы сейчас я метафорически. Ты знаешь заповедь, ты знаешь, чего нельзя делать.

Но ты одновременно знаешь, что ты свободен. И теперь ты оказываешься в сознании этого, в ситуации выбора. Задача психолога, прежде всего, помочь человеку в этой ситуации осознать, что он свободен и, может быть, в первый раз в жизни, может быть, так, в гипотетической ситуации, не отказаться от права выбора, от свободы, потому что она пугает.

Очень многие люди отказываются от свободы, прячась в стереотипы, в традиции, в запреты. «Мне мама не велела» или ещё чего-нибудь. Потому что страшно.

Потому что осуществить акт выбора свободы действительно риск. И психолог не толкает и не удерживает. А он только помогает человеку

справиться с этим состоянием и, может быть, заглянуть на шаг или на два вперёд.

Что будет, если он пойдёт так и так? Вот у психолога такая возможность есть. Это не пастырский метод, потому что пастырь не занимается упражнениями или не разбирается в ситуации.

Хотя пастырь говорит о свободе. И одна из задач пастырских — научить человека свободе. Именно поэтому, так же, как и у родителей, кстати говоря, родители, отец и мать сочетают в себе эту и педагогическую задачу, и психологическую задачу.

Они им говорят, если ты засунешь палец в розетку, если ты пойдёшь туда, если ты возьмёшься за острое ножа, ты поранишься. Что будет с тобою, я могу тебе рассказать. Можешь сам попробовать.

Но это будет беда. Я только не дам тебе сделать то, что лишит тебя потом всякой возможности. Я не дам тебе себя, так сказать, покалечить.

То есть я поставлю перед тобой границу не потому, что я не хочу, чтобы ты получил этот опыт, а потому что у тебя тогда никакой возможности уже не будет. Но я говорю тебе об этом и в своё время объясню тебе, почему так нужно поступать. Но самое замечательное, что ребёнок очень хорошо осваивает запреты, а потом их не отдаёт.

И тогда у родителей возникает гораздо более сложная задача, чем воспитать в ребёнке запреты, вывести её на дорогу и даже, так сказать, подтолкнуть его, а теперь иди сам. Я привожу в пример такую вот ситуацию из кино, вы её знаете. Они сражались за родину.

В первой части этого фильма главный герой, которого играет Шукшин, я не помню, как его зовут в пароле, он приходит просить ведро и воды у женщины, у крестьянки. Правда, это не крестьяне, это казачки. И она ему говорит, что я бы сейчас дала бы этим ведром.

Он говорит, что ж так, мама же жестоко. Он говорит, как вы можете вообще бежать и нас тут бросать? Если бы мой сын, а у меня их трое на фронте, пришёл бы сейчас и сказал, что мы отступаем, что у нас не получается, или мне страшно, я бы такого бы дала ему и сказал бы, иди-ка, сынок, и защищай.

Это как раз замечательный, на мой взгляд, образ матери, которая виртуально учит сына не прятаться, не защищает его, хотя сердце у неё

разрывается от боли, а она делает то, что она может сделать, как мать, и направит его туда, к тому новому страшному рискованному опыту, опыту защиты и воспитания мужчины. Вот этот образ матери для меня такой очень глубокий, значимый из пасторской, психологической точки зрения. Простите, что я так долго отвечал на вас вопрос.

Пожалуйста, ещё.

[Говорящий 5]

Я бы хотела получить какой-то комментарий на примеры с практики, из жизни, скажем так, супружеской пары. Приходит, допустим, семья, дети, однажды муж приходит и говорит, ты знаешь, я устал, мне надоели все эти, вся эта жизнь, вся эта ответственность, я хочу быть свободным. В чём здесь любовь?

Дать ему эту свободу или удерживать?

[Говорящий 1]

То, чего мы здесь делать не можем точно, это консультировать. Поэтому разговор о конкретной ситуации и о конкретных шагах здесь, конечно, невозможен. Одно можно сказать, что если психолог позволяет себе давать советы, то лучше всему из специальности уйти.

Тем более, если эти советы касаются брачной жизни. Ни священник, ни психолог не имеют права двум людям, любящим друг друга и желающим или уже живущим в браке, давать советы оставаться в браке или уходить. Это решение двух, и только двух.

А что касается терапевтической ситуации, опять же, вот правильный коллега сказал, всё зависит от того, кто придёт, придут ли они вдвоём с просьбой помочь сохранить брак, или придёт один с ситуацией, что он дальше так жить не может. Но я вам должен сказать, что вот запрос, как мы говорим в психологии, запрос такой «дальше так жить не могу», он всегда содержит в себе несколько вопросов, на которые есть у него у самого какие-то ответы. И вот тут терапевтически возможны самые разные варианты.

Главное не решать за человека, а показать ему, что выходы у него есть, и что ключ от замочка всех проблем лежит у него в кармане. И наша христианская убеждённость в том, что человеческая личность несёт в себе залог всех решений. Только может не знать об этом.

Я не отвечаю на ваш вопрос, потому что это вопрос такой индивидуальный, конкретный уже терапевтической беседы, не для аудитории. А, это не та свобода. Свобода от брака.

Понимаете, в чём дело? Если один из супругов решается на разрыв отношений, то он прежде всего должен понимать, что он берёт на себя ответственность инициатора разрыва. Хотя, может быть, он на это и спровоцирован.

Второе. Если человек совершает некий выбор, он понимает или должен понимать, что на него ложится определённая ответственность. И, в общем, тоже не задача психолога нагружать его ответственностью или ещё чем-то.

Но мы с этим работаем, конечно. А как можно говорить о том, почему человек хочет уйти из этих отношений? Вы тоже предлагаете на аудиторию говорить об этом?

Или вы знаете, почему он уходит? Вот видите, этот разговор невозможен в аудитории, поэтому давайте лучше его. Это не та свобода и ответственность.

Разрыв отношений – это не свобода. Это, может быть, ещё более худший вариант ответственности, потому что супруги, которые не завершили своих отношений, разводятся, они не получают свободы. Сопротношения продолжают только в таком уже превращённом виде.

Уже последний вопрос? Да, пожалуйста, последний вопрос. Все услышали?

[Говорящий 4]

Благодарю вас. Понятие свободы, конечно же, очень связано с понятием любви. Если любишь человека, то нельзя ограничивать его свободу.

С другой стороны, мы все здесь подтвердили, что если ты видишь, что человек совершает опрометчивый шаг, не сказать любимому человеку об этом нельзя. Это равнодушие. А вот внутренние ощущения.

Когда любящий человек сделал всё, чтобы предостеречь любимого человека, но любимый человек не прислушался. Ощущения внутренней боли. Ты уже не мешаешь ему, но если в тебе живёт эта внутренняя боль, это зависимость или нет?

Когда мать отпускает ребёнка. Нет, просто мне хотелось подпрочить границу между любовью дающей и зависимостью. Где эта грань?

Мне бы хотелось понять. Когда человек испытывает эту боль, он зависим или нет?

[Говорящий 1]

Нет, боль не является признаком зависимости. Боль может быть и вне зависимости, и в любви она может быть, и в зависимых отношениях. Грань между любовью и зависимостью найти очень трудно, и она часто прячется именно в глубинах человека.

И только вместе с человеком можно найти это. Но что такое зависимость? Тут главное понять.

Тогда понятно, что нахождение этой границы не так важно определить. Когда человек теряет любимого, если он в зависимости от него, он умирает. Ему кажется, что он умирает, как умирает ребёнок маленький, когда отлучается от матери.

Первая мировая, а потом и Вторая мировая война показали, что дети, лишённые матерей, умирают. И я это могу засвидетельствовать собственным опытом пасторским. Я прослужил 13 лет в психоневрологическом диспансере и знаю, что дети, лишённые матерей или тех, кто хоть маломальски их заменял, нянечки, медсёстры, попадающие в ситуацию, когда к ним сутками никто не подходит, умирают.

Но ребёнок зависим по возрасту. Это нормально для маленького ребёнка. Но взрослый не таков.

Взрослый может выжить. Потеря любимого – это тяжёлая катастрофа и тяжёлое горе, но не причина гибели. И поэтому если человек, когда от него уходит любимый, чувствует, что он умирает, то это, скорее всего, признак зависимости или когда говорит, если ты уйдёшь, я умру.

Вот это типичный такой разговор. А когда человек по-настоящему любит и понимает, что да, если ты уйдёшь, мне будет очень плохо и трудно, но я буду жить, вот это скорее любовь. Но это всегда, когда мы говорим о конкретном случае, это надо всегда разбирать.

А так, в общих чертах, примерно так. Мы действительно должны заканчивать.

[Говорящий 2]

Значит, тут записка такая организационного характера. Когда следующая встреча? У нас планируется четыре встречи, вот сегодня первая.

Встречи эти будут проходить здесь, по вторникам в 7 часов, значит, 29 января, 5 февраля и 12 февраля. Здесь же в 7 часов вечера. Темы, ну, во-первых, вы можете готовить свои вопросы, мы можем ориентироваться на ваши вопросы.

Следующая встреча у нас будет посвящена теме «Как относиться к любви к себе?» То есть это грех, это эгоизм или многоточие. Вот на эту тему мы хотели порассуждать. Третья встреча – это тема «Любовь и ответственность».

Личная ответственность, ответственность в отношениях. То есть вот те вопросы, о которых мы сегодня говорили, они будут уже более подробно освещены. И четвертая встреча – это различные, ну, опять же, в кавычках, аномалии любви, то есть какие-то искажения любви, слепая любовь, прерванная любовь.

И очень важная тема – благодарность как такая основная составляющая любви. Спасибо большое за внимание. Спасибо.